

М. ЦВИБАК.—КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ТУРКЕСТАНЕ

(Доклад М. Цвибака и прения в секции истории Востока от 12 января 1929 г.)

Докладчик. Прежде всего, первая и основная проблема—проблема предпосылок революции. Предпосылки революции 1917 года в Туркестане уже были предметом особого доклада тов. Галузо, напечатанного в № 9 «Историка-марксиста»¹. В докладе тов. Галузо была дана характеристика капитализма в российской туркестанской колонии во время, предшествовавшее революции 1917 г. В прениях по его докладу наметились две основных точки зрения. Одна из них уделяла особое внимание кабально-ростовщическим элементам капитализма и выводила отсюда преобладание в экономике Средней Азии перед 1917 г. торгового капитализма. Другая точка зрения, не отрицая наличия кабально-ростовщической эксплуатации, подчеркивала, что кабально-ростовщические элементы теснейшим образом переплетались с промышленным капитализмом и являлись функцией промышленного капитализма, который в свою очередь уже имел тенденцию перехода к финансовому капитализму. Тов. Галузо—сторонник первой точки зрения, но мне представляется, что его взгляд обусловлен серьезной терминологической ошибкой. Наличие кабально-ростовщических форм эксплуатации труда, которые не характерны для развернутого капиталистического строя и которые имели место в российских средне-азиатских колониях, не позволяют назвать хозяйственную структуру этих стран торгово-капиталистической. С точки зрения учения Маркса о «купеческом или торговом капитале», торгово-ростовщические операции, которые в эпоху торгового капитализма являются единственной формой свободного капитала, объединяющего мелких производителей, превращаются в эпоху промышленного капитализма в агентуру последнего. Ростовщические формы, которые существовали в Ср. Азии перед 1917 г., были не чем иным, как функцией российского промышленного капитализма, капитализма хлопчатобумажных фабрикантов и коммерческих банков, т. е. не только промышленного капитализма, но капитализма промышленного, переходящего в новую, высшую фазу своего развития, фазу финансового капитализма, подчеркиваем—при наличии господства военно-феодалного империализма.

Давая характеристику промышленного капитализма в Ср. Азии, мы должны прежде всего помнить ту основную характеристику русского капитализма, которая была дана В. И. Лениным в трудах, посвященных аграрному вопросу,—характеристику, подчеркивающую наличие двух путей в

¹ Был напечатан краткий отчет о докладе.—Ред.

развитии капитализма: фермерского и юнкерского. Русский капитализм в эпоху после 1905 года идет по пути компромисса между развивающимся капитализмом и остатками старых докапиталистических форм. Эта же черта еще больше характерна для среднеазиатской экономики. В среднеазиатских колониях, представляющих собой наиболее реакционные формы объединения интересов русской буржуазии и русских феодально-помещичьих элементов, особенно ярко выделяются реакционные формы развития капитализма. Я хочу это отметить еще и потому, что у нас в литературе появилась новая точка зрения, представленная в книге тов. Резцова, которая, обращая внимание на существование капиталистических хозяйственных форм в Средней Азии, подчеркивая наличие прогресса в экономике второй половины XIX века по отношению к старым феодальным формам, совершенно замазывает наличие кабально-ростовщических форм в экономике Средней Азии.

Наличие капиталистических форм в Средней Азии—факт бесспорный. Мы имеем организованную капиталистическую промышленность в области хлопкоочистительной. Характерно, что концентрация в области хлопкоочистительной промышленности была выше в Средней Азии, чем в Соединенных Штатах. Мы имеем в 1911 году 81% предприятий, имеющих более 4 джинов, в то время как в САСШ мы имеем только 24% предприятий, имеющих более 3 джинов.

Теперь о товарности. Возьмем такой показатель товарности, как бюджет. Уже в 1890 году бюджет декханского хлопкоробного хозяйства доходит в своей доходной части до 329 рублей, а в 1910 году до 448 рублей. Если сравнивать эти цифры с цифрами русских бюджетов, то мы увидим, что тут товарность весьма значительная. При этом налицо кабальные формы эксплуатации мелкого производителя-хлопкороба. Прежде всего кабально-ростовщические формы эксплуатации опираются на колоссальную парцелляцию хозяйства. Если взять сводные цифры хозяйств по Ферганской области, то увидим, что там было хозяйств, имеющих до одной десятины, 51%, а имеющих свыше 10 десятин—только 3,5%.

Такова основная база, аграрная база среднеазиатского колониального капитализма.

Система кредита (а хлопковое хозяйство целиком было построено на кредите) носила чисто ростовщический характер. Ежегодно, по данным Демидова, отпускалось кредита до 30 миллионов, причем из них 20 миллионов шло через посредников и только 10 миллионов—непосредственно.

К чему приводила эта система ростовщических, кабальных отношений? С 1890 года до 1910 доходность декханского хозяйства изменилась со 111 руб. до 10 рублей (разница между расходным и приходным бюджетом).

Имеется большая литература обличительного характера, принадлежащая перу радикальных и либеральных авторов, вроде того же меньшевика Демидова, которая посвящена описанию этих ростовщических отношений.

Ликвидация кабальных отношений, ликвидация тех условий, при которых крестьянин больше страдает от недостаточности развития капитализма, чем от капитализма, была основной задачей буржуазно-демократической революции, которая в Средней Азии в это время назревала.

Процесс идет по трем руслам.

Одно русло, наиболее четко себя выявившее, но чрезвычайно умеренно и нерешительно выступавшее,—это русло российских буржуазно-радикальных элементов. Очень характерно, что в Средней Азии еще в эпоху II Государственной думы среди либеральствующих элементов чиновничества

мы имеем, если не по существу, то по форме, довольно левые настроения. Когда те же самые слои в России опускали бюллетени за кадетов, буржуазно-либеральная или радикальная обывательщина выдвигает своеобразного «социал-демократа»—В. П. Наливкина, и он выступает как «социал-демократ в шинели с красной подкладкой», с генеральскими погонами во II Государственной думе.

Основная линия мелкобуржуазной демократии—это улучшение положения мелкого хлопкового хозяйства, в основу чего кладется проблема мелкого кредита. Мелкий банковский капиталистический кредит развивается довольно быстро. К 1914 году в хлопковое хозяйство через учреждения по мелкому кредиту было вложено в основном хлопковом районе в Фергане до 6 миллионов рублей. Конечно, перелома в области экономических отношений это создать не могло: 6 млн. через банки—в то время как общая задолженность в Фергане доходила до 80 млн.—только вбивали первую брешь в ростовщические отношения.

Другим руслом буржуазно-демократических тенденций была передовая национальная буржуазия, представленная прогрессивными национальными элементами, так называемыми джадидами. Между обоими руслами существовал контакт, который особенно выявлялся в работе эсеров, у которых была лучшая связь с национальными элементами, нежели у меньшевистской социал-демократии.

Какова была позиция пролетариата? Пролетариат в Ср. Азии характеризуется двумя основными группами. Первая—преимущественно европейская—железнодорожники, квалифицированные рабочие; вторая—местные и пришлые сезонные рабочие на хлопкоочистительных заводах. Чрезвычайно интересные цифры собраны Заорской и Александром. Среди квалифицированного пролетариата, по их данным, было 85% европейцев, а среди неквалифицированного пролетариата 15% европейцев. Интересны также и цифры, характеризующие материальное положение пролетариата. Железнодорожник-рабочий на Ср.-Азиатской ж. д. получал в среднем, беря кругло, в год 600 руб., в то время как средняя зарплата железнодорожного ремонтного рабочего была 330 руб. Средняя зарплата вообще в России равнялась 280 руб. в 1908 году, а в 1913 году в Ср. Азии она равнялась 180 руб. С одной стороны—660 руб. и 330, с другой—280 и 180, отсюда вытекает чрезвычайно характерная особенность рабочего движения. В рабочем движении в 1905—6 г.г. представители местного национального пролетариата участвуют очень мало. Железнодорожный пролетариат, с одной стороны, с другой—наличие большого количества хлопкоочистительных рабочих, национальные противоречия, большая связь европейского пролетариата с европейскими же мелкобуржуазными элементами, находящимися в Ср. Азии, с поселенцами, фермерами,—все это вместе взятое накладывает свою печать на развитие рабочего движения в Ср. Азии. Эпоха промышленного под'ема, сыгравшая колоссальную роль в деле воспитания пролетарского авангарда в России, не коснулась Средней Азии. В то же время известные кадры, оставшиеся с 1905 года, со времени забастовочной борьбы, в железнодорожной организации, продолжают существовать, но большевистские элементы среди них находятся в меньшинстве.

Тот факт, что Средняя Азия не знала политической ссылки, повлиял на то, что здесь рабочий класс не сумел организовать достаточно квалифицированное революционное руководство. Отдельные лица, работавшие здесь, как Зурабов, принадлежали к меньшевистскому крылу. Небольшое

число большевиков, таких, как напр. Морозов, в эпоху после 1905 г. не имеет больше отношения к Средней Азии. Но ряд рабочих ориентировался все-таки на большевиков недостаточно четко, правда, отделяя себя от меньшевиков. Движение среди европейского пролетариата не имело связи с движением национальным. Если можно говорить о национальных связях среди буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, представляемой эсерами, то о связи между рабочим движением и движением крестьянской бедноты и мелкого производителя города хотя бы в том виде, как оно выявилось в 1916 году, говорить не приходится. Конкретно гегемония пролетариата, имевшая объективно предпосылки в развитии колониального революционного движения, проявляет себя только в процессе классовой борьбы в 1917 году.

Говоря о предпосылках революции, я брал основные проблемы, связанные с районами оседлого хозяйства. Относительно вопросов, ставших в степной полосе Средней Азии, я могу говорить меньше, так как на эту тему много говорил тов. Галузо. В этом вопросе он дает правильную установку, и тут мне его мало остается дополнить.

В этой степной полосе основное столкновение назревает по линии национально-аграрной. Русские поселенцы-крестьяне, фермерского типа, полупомещики, семиреченские казаки идут по пути превращения казаков-националов и киргизов в закабаленное батрачество при своем хозяйстве. Проблема, связанная с 1916 годом, с колоссальными столкновениями и кровопролитиями, продолжает существовать в течение всей революции 1917 года, как в Джетысее, так и в Хорезме.

Мы говорили пока только о предпосылках буржуазно-демократической революции, а в 1917 году в Средней Азии началась также и пролетарская социалистическая революция.

Каковы были предпосылки перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую в Средней Азии? Прежде чем говорить об этом, — несколько слов об элементах финансового капитализма в Средней Азии пред-революционной эпохи. Мы можем отметить две основных линии развития: линию синдицирования и линию банковского овладения. Линия синдицирования идет из Москвы, линия банковского овладения идет из Петербурга. Линия синдицирования идет, главным образом, по старой проторенной, московской кнопп-крестовниковской дорожке, через Соединенный банк. В 1917 году создается Русское общество по хлопководству, объединяющее до 23 фирм. В то же время с этими организациями связывается еще и объединение в области маслостроительной промышленности. К 1917 году мы в маслостроительной промышленности имеем две основных организации, борющихся между собою за гегемонию, но уже победивших и вытеснивших всех своих противников. Одна организация связана с Волжско-Камским и Русско-Азиатским банками, она более мощная, и другая, менее сильная, связана с упомянутым выше Кнопп-Крестовниковским объединением. Волжско-Камский и Русско-Азиатский банки ориентировались непосредственно на местные хлопководческие фирмы, в частности на фирму знаменитой туземной еврейской семьи братьев Вадьяевых. Характерно, что более мощная, связанная с иностранным капиталом и банковской системой организация ориентируется на компраторскую местную буржуазию, в то время как попытки объединить более мелкие предприятия увязываются с идущими из московских сфер тенденциями синдицирования.

Серьезное значение в экономике 1917 года имел еще и тот общий кризис, в котором находилась хлопковая промышленность во время войны.

К 1917 году мобилизованная промышленность, в которой иностранные капиталисты играли основную роль, взяла в свои руки капральскую палку и продиктовала свои цены туркестанским хлопководам. Эти цены ударили по местным среднебуржуазным элементам. На рост тенденций автономистского порядка это обстоятельство не могло не оказать значительного влияния. Программа областнической автономии в среде русских туркестанцев и расчеты национальных элементов, стремившихся к более широкой политической автономии, дают себя знать в 1917 году. Капиталистическое хозяйство, ориентированное на монокультуру, начинает трещать в условиях военного краха российской капиталистической экономики.

Владимир Ильич достаточно четко в своих статьях, особенно подробно в «Грозящей катастрофе», характеризовал основные коренные вопросы, которые привели нашу революцию на путь пролетарской революции. Посмотрим на их роль в Средней Азии.

Непосредственно стремление выйти из войны для широких масс Средней Азии не являлось актуальным лозунгом, хотя все вопросы экономической и главным образом продовольственной разрухи упирались в вопрос о войне, обуславливавшей глубочайший кризис всей капиталистической системы. Туркестан демонстрировал против войны в 1916 году в лице местного населения, а русское население Туркестана, как известно, вообще в военной службе участия не принимало. С самого начала революции 1917 года всеми реакционными деятелями, в том числе и Георгием Дорером, подчеркивается, что ни одного солдата на фронт из Средней Азии отправлять нельзя, т. к. для охраны русских от туземного населения необходимо сохранить войско полностью. Вопрос войны для масс не играет здесь основной роли.

Борьба за рабочий контроль, борьба против прибылей капиталистов, борьба, которая имела громадное значение в развитии русской революции, здесь опять-таки в 1917 году особенной роли не играет. Развитие промышленности в течение 1917 года стоит на стабильном уровне. Того колоссальнейшего падения выработки, которое мы имеем в России в эпоху Временного правительства, здесь нет. Добыча угля пала на 1917 год лишь на 8%. Настроения основной толщи русских квалифицированных рабочих в течение революции 1917 года вплоть до Октября обуславливались преимущественно экономическими причинами. Непосредственный крах промышленности, необходимость говорить о контроле и взятии производства в свои руки становится перед рабочими только в послеоктябрьскую эпоху, в эпоху после Кокандской автономии—в 1918 году. В 1917 году эта проблема еще не стоит.

Основная проблема 1917 года в Туркестане—это проблема хлеба. Именно с этого угла наиболее резко выступал здесь кризис всей экономической системы отношений. Некоторые товарищи возражают против этого, усматривая в этом недооценку разложения капиталистического хозяйства в его производственной базе. Мне кажется, что это не так. Проблема хлеба для Средней Азии была проблемой увязки всего хозяйства Средней Азии вокруг хлопкового производства. Обмен хлеба на хлопок—это основная линия связи среднеазиатского хозяйства, хозяйства колонии, с хозяйством метрополии. Поэтому перерыв доставки хлеба ставит под удар монокультуру, влечет экономический кризис, приводит к экономическому краху, который толкал пролетариат непосредственно к борьбе за власть, т. к. только пролетариат мог восстановить разрушенные войной хозяйственные связи.

Развитие революционных событий в Туркестане было теснейшим образом связано с вопросами хлеба.

Возьмем, например, события, разыгравшиеся в мае месяце. В мае мы имеем момент, когда свержается щепкинский Туркестанский комитет. Одновременно с этим—в массах волнения на продовольственной почве.

В июле мы имеем организованную борьбу за хлеб, мы имеем попытки взять организацию продовольствия в свои руки. Туркестанская эсеро-меньшевицкая газета с возмущением рассказывает о погромах, причем даже в ее изображении они мало похожи на погром: «солдаты,—читаем мы в «Нашей газете,—идут на рынок, солдат садится за кассу и организованно продает продовольствие».

В августе происходят столкновения на хлебной почве и усиление революционности масс. Знаменитые ташкентские сентябрьские события произошли тоже на продовольственной почве.

Подводя итог изложению предпосылок и характера революции, я формулирую свою мысль следующими словами:

Накануне революции Средняя Азия стояла непосредственно перед вопросом буржуазно-демократического переворота; далее в ходе ее развития, в условиях хозяйственного краха и мобилизации широких масс пролетариата и мелкой буржуазии, революция подошла к борьбе за диктатуру пролетариата, к перерастанию из буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Для колониальной страны основным моментом развития революции является ликвидация правительства колонизаторов, фактическая ликвидация колониального характера страны, передача власти из рук колонизаторов национальному местному большинству. Этот процесс в условиях развития революции в Туркестане сильно затягивается, закончившись по существу в 1924—25 гг.

Самое основное, самое характерное в развитии революции в Туркестане—это наличие двух основных календарей: более быстрого, хотя и замедленного по сравнению с темпом общероссийской революции, календаря европейского населения и календаря, медленного—календаря развития революционного движения в национальном секторе. Если развитие движения в европейском секторе, секторе новых городов, охватывающем не только европейское население, но и часть национального, связанную с европейской капиталистической промышленностью, если это движение в общем и целом справляется с основными проблемами революции с опозданием на 1—2 месяца по сравнению с общероссийским темпом, то национальное движение растягивается на продолжительное время. Затяжка движения в национальном секторе объясняется еще и тем, что российский пролетариат в Ср. Азии всего меньше был подготовлен к тому, чтобы стать гегемоном национальной революции. Движение дехканской бедняцкой и середняцкой массы только на более высокой степени своего развития получило возможность увязать свою борьбу с опытом революционной борьбы всероссийского пролетариата, и прежде всего, пролетариата передовых индустриальных центров. Только после этого революция в Ср. Азии начинает идти по единому календарю. Пролетариат Ср. Азии в союзе с мелкобуржуазными элементами сумел взять власть, удержать эту власть при труднейших условиях, обороняясь на фронтах, окруженный со всех сторон белогвардейской блокадой—но развернуть внутренние пружины революции он не сумел. Для этого нужен был опыт всего пролетариата России под руководством Ленина и РКП(б).

«Первый этап первой революции» дал власть в руки буржуазии. Что собой представляли буржуазные элементы в Туркестане? О мелкобуржуазных элементах мы уже говорили.

Классовая группировка крупной буржуазии была тесно связана с системой старорежимной колониальной политики, она имела на своем правом крыле элементы чисто черносотенно-колонизаторские, на левом крыле преобладали элементы типа кадетов. Характерно, что в Ср. Азии больше, чем где бы то ни было, была крепка связь между правой и левой частью третьеиюньского блока. В 1916 году, после восстания, царское правительство вынуждено было пойти на некоторые уступки либеральным колонизаторам, послав в Ср. Азию либеральствующего Куропаткина. Куропаткину удалось достигнуть серьезных результатов в деле подчинения местных либерально-буржуазных элементов своему влиянию. Он создал комитет из группы джадидов, который помогал ему проводить реквизицию у туземцев. К началу 1917 года были налицо и национальные, и российские буржуазные элементы, для которых основным в революции была перестройка организации правительства для лучшего ведения войны в интересах союзников и большего закабаления масс. Для них не был важен вопрос о свержении куропаткинского режима. Поэтому Февральская революция здесь не свергла Куропаткина. Если в первые дни революции русская буржуазия мечтала, что Михаил будет регентом, а Алексей будет царем, но негодующие крики рабочих заставили Милюкова спрятать эту программу, то в Ср. Азии все же на 26 дней осуществилось это регентство правда в лице генерал-адъютанта Алексея—Куропаткина. Временное правительство ухватилось за Куропаткина. Гучков посылает ему теплые телеграммы. В самом деле ведь Ср. Азия была тем оазисом «буржуазного порядка» для правых кругов русской буржуазии, для того же Гучкова и Милюкова, которого им не удавалось осуществить в русских условиях.

Другое крыло буржуазии—крыло радикально-буржуазной интеллигенции, куда входили отчасти чиновники, отчасти служащие разных частных фирм,—стало организовывать общественные комитеты, куда входили и рабочие. Видимость власти находилась в первое время в руках этих комитетов. Это крыло на первых порах было близко к рабочим организациям. Первое время рабочие группы находятся целиком под влиянием этих элементов. Нигде не было столько с.-д., называвших себя плехановцами, как в Туркестане. Правда, ничего общего они даже с плехановщиной того времени не имели. Плехановцем называл себя в Туркестане даже известный бакинский полузубатовец Илья Шендриков. Они сначала признали Куропаткина, но под влиянием масс к концу марта вынуждены были с ним проститься, после того как он попытался ввести городовое положение 1892 г. и вооружить русских поселенцев. Вооружение русских против националов стоило власти Куропаткину. Куропаткин был свергнут. Временное правительство создает туркестанский комитет с кадетским и право-народническим—народно-социалистическим составом. Во время революции основным центром был Ташкент, вокруг него собираются все основные революционные силы, вся основная революционная борьба идет вокруг Ташкента. В Ташкенте был тот основной пролетарский кадр, который в момент перелома кладет свою твердую рабочую руку, направляя движение то в ту, то в другую сторону. Характерно, что революционизирование железнодорожных рабочих идет в 1917 г. быстрее, чем революционизирование других слоев рабочих. Положение ташкентского рабочего было хуже, чем в районе Закаспия. В Ашхабаде и Закаспии на железной дороге положение рабочего было лучше: в виду того, что он целиком зависел от железной дороги, он снабжался максимально, и у него была даже своя организация—единственная в России—ремесленное рабочее собрание.

Нужно отметить, что именно за Каспием средняя зарплата равнялась шестистам рублям, а на Ташкентской ж. д. зарплата была гораздо ниже.

Ташкент революционизируется,—в Закаспийской области усиливаются настроения право-эсеровские с белогвардейским пошибом. Ташкент же непрерывно «левее», преимущественно на продовольственной почве.

Если проследить газеты той эпохи, то мы видим, что в порядке дня все время стоит основной вопрос—вопрос зарплат и продовольствия.

Чрезвычайно характерно, что Фергана—эта хлопковая житница Средней Азии, имевшая солидные кадры рабочего класса в горно-заводской промышленности,—отстает в 1917 г. Правда, в Фергане создаются крупнейшие профсоюзные организации, но они подпадают под руководство право-настроенных меньшевиков и эсеров. Вождем Ферганы был известный Вадим Чайкин. Все время идет борьба между Ферганой и Ташкентом. Ташкент революционизируется. На первых порах он находится под руководством меньшевиков-оборонцев, потом руководство переходит к интернационалистским элементам, имеющим в своем составе несколько большевистски настроенных людей, которые, однако, не проводили еще достаточно четкой большевистской линии.

Процесс революционизирования масс идет в Ташкенте чрезвычайно своеобразно. Организованного политического центра мы в Ташкенте не имеем. Правда, наиболее сильная социал-демократическая организация создается в Ташкенте. На «объединительном» августовском съезде меньшевиков представитель Ташкента указывал на 1.400 членов организации. Это, конечно, преувеличено. Все же значительный кадр с.-д. в Ташкенте был. Интересно, что ташкентская организация, несмотря на то, что в ней к августу руководство перешло в руки интернационалистов и часть этих интернационалистов считала себя большевиками, все же нашла возможным послать своего представителя на августовский «объединительный» съезд РСДРП. Никакая другая среднеазиатская организация на общепартийных съездах не участвовала. Небольшая, сразу выделившая себя из общего движения группа большевиков, увязанных с большевистским центром, была только в Фергане, в центре наиболее правых тред-юнионистских настроений среди руководящей верхушки. Большевики во главе с т. Бабушкиным выявляют себя еще летом в Коканде, в то время как в Ташкенте выделение большевистской организации намечается только в ноябре, после взятия власти. Оборонцы из общей организации с.-д. уходят только в сентябре. До сентябрьских событий и ташкентская организация, и краевой центр социал-демократов были формально едиными, объединяя всех—от плехановцев до большевиков.

Итак, в процессе революции мы имеем в Ташкенте переход власти из рук оборонцев в руки интернационалистов. Чрезвычайно характерно, как революционные рабочие массы сначала неорганизованно, стихийно высвобождаются из-под соглашательского руководства. Еще при господстве оборонцев разыгрывается ряд классовых столкновений. Первое столкновение было в связи с обвинением реакционного меньшевика-оборонца Белькова в ряде неблагоприятных поступков, когда буржуазная газета открыла против него как председателя совета травлю. Рабочие применяют революционное насилие, пытаются закрыть буржуазную газету, делая все это для реабилитации господина Белькова, который совершенно этого не стоил, являясь агентом той же буржуазии среди рабочих. Когда интернационалисты приобретают влияние, то они выступают путанно и проваливаются по вопросу о командировке тов. Бройдо на фронт. Дело было таким образом: Бройдо был солдатом за-

пасного полка и как солдат запасного полка должен был отправляться вместе с маршевой ротой. Позже пришло постановление Временного правительства, что члены комитетов и советов не отправляются со своими частями. По этому поводу происходит раскол. Крайний оборонец Бельков требует, чтобы Бройдо выехал. Он этого требует как патриот и на этой почве выходит из социал-демократической организации. Интернационалисты во главе с Тоболиным тоже выступают с требованием отъезда Бройдо, причем они хотят освободиться от Бройдо, который был тогда лидером меньшевиков оборонческого крыла. Такая путаная линия чрезвычайно характерна для позиции интернационалистов в Туркестане.

Несколько возвращаясь назад, я хочу отметить, что крупные столкновения, похожие на апрельские события в России, в Ср. Азии были связаны с свержением щепкинского туркестанского комитета. Щепкинский туркестанский комитет был свергнут в мае в связи с вопросом об использовании в аппарате революционной власти старой администрацией. Щепкин назначил областным комиссаром бывшего пристава, некоего Тризну, по этому поводу произошли волнения в гарнизоне и в совете, и в результате Щепкин принужден был уйти. Классовое столкновение типа общероссийского апреля здесь идет не по вопросу о войне, а связано с тем же куропаткинским наследством.

Характерно, что июльские дни в Ср. Азии в 17 году большой роли не сыграли. Перелом, который пережила Российская революция в июле 1917 г., не имел значения для Средней Азии.

Что было основным для июльского перелома? Ленин писал, что 4 июля наступил переломный момент, так как двоевластие, существовавшее до 4 июля, а вместе с тем и та конъюнктура, когда советы могли взять власть без гражданской войны, перестали существовать, и переход власти в руки пролетариата мог быть осуществлен только в результате гражданской войны. Конъюнктура двоевластия продолжала существовать в Ср. Азии и после июля. Отсталость рабочего движения проявляет себя прежде всего в объединительных тенденциях, которые были настолько сильны в ташкентской с.-д. организации, что она и после июля противопоставляет себя эсерам в целом. Социал-демократы, начиная от крайне-правых и кончая будущими туркестанскими большевиками, ведут борьбу против эсеров, как партия против партии. Раскола между оборонцами и интернационалистами мы в это время в Средней Азии не видим. Борьба идет по вопросу о новом председателе туркестанского комитета Временного правительства. Эсеры выдвигают Чайкина, а эсдеки, в том числе и ташкентские рабочие—Наливкина. Наливкин—глубокий старик, человек бесхарактерный, человек, который не мог ориентироваться на лагерь буржуазии, так как у него были своеобразно народолюбивые настроения, которые мешали ему пойти по буржуазной линии, человек в то же самое время чуждый и рабочему движению, и демократии. Он одновременно мешал и рабочему движению развиваться и контрреволюционерам, стоящим за его спиной, бороться против рабочего класса. Тем не менее А. Я. Першин—представитель ташкентских рабочих во ВЦИКе, человек, который сыграл большую роль в революционных событиях, сначала меньшевик, потом в результате контрреволюционной политики меньшевиков после июльского периода перешедший к большевикам, первый наладивший связь между с.-д. Ташкента и ЦК РСДРП, первый, который связался с центральным органом, с «Рабочим путем»—он все меры принял, чтобы Церетелли как министр внутренних дел назначил Наливкина, а не Чайкина. Он

пишет в своем письме: «хотя я против министерской партии меньшевиков—я за Наливкина». Першин идет эмпирическим путем и отражает настроение масс, характерное для Ср. Азии в эпоху июля—августа.

Эта эпоха была моментом назревания классовых противоречий, которые шли по двум линиям. Среди европейского рабочего класса они идут по линии раскола внутри революционной демократии, раскола между оборонческим крылом и интернационалистическим, стоящим на революционном пути. Среди ремесленников и дехкан-националов чувствуются в эту эпоху лишь тенденции к расколу внутри общего национального лагеря. Когда совершилась революция 1917 г., национально-прогрессивные элементы—джадиды во главе с представителями буржуазно-интеллигентской группы, европейской по своей культуре, главное внимание направили на завоевание широких масс. Но так как широкие массы были под влиянием реакционных байских и муллских элементов, прогрессисты пошли на создание объединенной организации. В результате в Ташкенте, наиболее революционном центре, побеждает улемистское движение. Организация, созданная джадидами, раскалывается, и вместо объединенного шуру-исламия создается «Джемгуриятэ улема», который имел в своем большинстве чисто реакционные конфессиональные элементы. На выборах в Городскую думу эта оппозиция получает до 70 мандатов в то время, как прогрессисты выбирают только 2—3 гласных. Если по линии радикальной буржуазии в Ташкенте произошел провал, то в области оформления рабочего движения мы имеем здесь наиболее прогрессивные формы—я говорю о создании местного совета т. н. мусульманских рабочих. Правда, он не имел полной связи с общеевропейским советом, слился с ним только после Октябрьской революции, но такая организация и объединение сил, одним из руководителей которых был Асфендиаров, сыграла свою роль. Организация эта опиралась на вернувшихся из России демобилизованных в 1916 году рабочих. Такие же организации создаются в Ходженте и Андижане, в то время как в других центрах, в Фергане и других местах, создается организация, смахивающая на старые английские тред-юнионы—организация т. н. «трудящихся мусульман». Туда входили в малом количестве бедняцкие элементы, больше ремесленники; организация была полужоноомическая, полуполитическая. Эта организация заняла правую позицию, хотя она в лице своего ферганского центра и продолжала борьбу против мусульманского объединения. Политически она ориентировалась на чайкинскую группу, на правое крыло революционной демократии. Так было вплоть до кокандской автономии, когда объединение «трудящихся мусульман» раскололось, и меньшинство их пошло с советской властью.

Возвращаюсь к развитию революционных событий в Ташкенте. Основным моментом в августе и сентябре была борьба за Ташкентский совет, который продолжает находиться в руках оборонцев, преимущественно правых эсэров. К сентябрьским событиям революционное руководство Ташкентом, передовым для Ср. Азии пролетарским центром, находится в руках интернационалистских элементов. Небольшое ядро большевиков, которое позже в ноябре выделилось, в то время от интернационалистов не отделялось, и мы ничего не видим в их выступлениях и резолюциях, отличающего их от интернационалистов.

Приходится говорить об этом, так как в настоящее время замечается тенденция апологетики революционной борьбы ташкентского пролетариата (между прочим, ташкентские рабочие в ней вовсе и не нуждаются). Эта тенденция, представленная в книжке Л. Резцова «Октябрь в Туркеста-

нее»¹, не делает разницы между тактикой интернационалистов и большевиков перед октябрём 1917 г. Он фактически с опозданием на 10 лет большевизирует интернационалистов. Нужно четко отличать линию «ново-жизненцев» от линии В. И. Ленина и большевиков.

В чем основные отличия ново-жизненцев от большевиков? Основная линия ново-жизненцев такая, что они тоже были за переход власти в руки советов, но они мечтали о возможности перехода власти в руки советов без гражданской войны. Понимание того, что нет другого пути, как путь гражданской войны, отсутствовало у половинчатой интернационалистской группировки.

С другой стороны интернационалисты мыслили себе советскую власть как временную меру, которая должна довести страну до Учредительного собрания, которая должна ликвидировать реакционные тенденции бонапартизма Керенского и—не больше.

12 августа в Ташкентский совет Тоболиным вносится резолюция, которая проваливается. Мы имеем в этой резолюции довольно четкую постановку вопроса, и она в общем и целом дает некоторую возможность трактовать эту резолюцию как особую линию, отличную от общего направления интернационалистов социал-демократов. Но в то же время не следует упускать и другие выступления Тоболина, в частности его статью, в которой он подробно иллюстрирует систему демократической революции и доказывает, что наилучшая система управления—это английская, потому что в Англии через Гайд-Парк можно управлять государством.

Так или иначе лозунг перехода власти в руки совета среди группы социал-демократов, которая идет в это время рука об руку с левым крылом эсеров, выявляется совершенно определенно. Стихийное революционное движение рабочих и солдатской массы дает себя знать. В это время складывается революционная конъюнктура, приводящая к сентябрьским событиям.

Я на сентябрьских событиях не буду останавливаться, потому что о них имеется довольно большая литература и они более подробно были освещены в 1917 г. в газетах. Мне хочется остановиться только на вопросе о трактовке сентября.

К сентябрю ташкентскому применима та оценка, которую сделал т. Шумяцкий в отношении иркутского «сентября». Тов. Шумяцкий, на мой взгляд, совершенно правильно оценивает события в Иркутске как явление, похожее на питерский июль. Именно в сентябре была стихийная попытка захвата власти, которая столкнулась с тем, что эпоха двоевластия уже не существовала. Действительно, когда в ночь на 13 сентября командующий туркестанскими войсками генерал Герже явился вместе с ротой юнкеров и школы прапорщиков арестовывать членов революционного комитета, в Туркестане произошло то, что в общероссийском масштабе происходило 4 июля.

Краевой совет, работавший под руководством меньшевиков и правых эсеров, занимает более реакционную позицию, чем даже Наливкин. Он требует присылки карательного отряда. Правительство Керенского находилось в это время в тяжелой обстановке. Это была эпоха Демократического совещания, когда керенщина трещала по всем швам. В это время Керенский мобилизует все свои силы и, пользуясь тем, что настроение правого советского крыла было в пользу ликвидации Ташкента, посылает карательную экспедицию.

¹ Ср. рецензию П. Галузо в «Историке-марксисте» № 7, стр. 304.— *Ред.*

Если массы были настроены в пользу захвата власти и эта тенденция была передана группе руководителей, то, уже начиная с 15 сентября, тенденции мирным путем выйти из этого конфликта особенно характерны для руководства сентябрьским восстанием.

Тут нет ничего удивительного. Пойдя на захват власти, окруженное широким кругом довольно правых по существу с.-д. интернационалистов, руководящее ядро ташкентских революционных работников, конечно, не мыслило себе этот захват власти иначе, как мирный захват. Интересно, как тов. Тоболин, который занимал в то время наиболее левую позицию, представлял себе дело. Ему представлялось, что Туркестан не пустит к себе представителей Временного правительства, а тем временем подоспеет подкрепление. Попыток организовать восстание по краю среди ташкентцев мы не имеем, в то время как в Фергане и других местах уже были некоторые попытки, похожие на ташкентские, в частности 7 сентября в Коканде.

В результате генералу Коровниченко, назначенному Керенским генеральным комиссаром, удастся проехать в Ташкент. Тут сыграло роль колебание Самарского и Оренбургского советов, которые его сначала не хотели пускать, но потом пустили. Коровниченко вошел в город и разгромил Ташкентский совет. Последний совместно с железнодорожным центром объявил забастовку, но эта мирная забастовка только дезорганизовала рабочих, и из сентября ташкентская рабочая масса вышла с пониманием необходимости перейти к новым формам борьбы, связанным с непосредственной организацией вооруженного восстания. В смысле же руководства движением мы имеем чрезвычайно тяжелый кризис. Правильно было бы сказать, что руководство идет не впереди масс, а вдогонку за массами. Широкая стихия рабочего движения, которая своим классовым сознанием понимала много больше, чем половинчатые руководители, в течение месяца настолько революционизирует отношения, что уже к концу октября мы сталкиваемся с вооруженным восстанием.

Как шла основная линия борьбы перед Октябрьским столкновением?

После того как Ташкент не был поддержан на местах, а ферганские и закаспийские советы оказались на стороне Временного правительства, мы наблюдаем начало раскола среди рабочего движения, причем в эпоху этого раскола усиливаются опять-таки половинчатые, центристские, интернационалистские настроения. К тому моменту, когда собирается 2-й съезд советов (он начался 30 сентября), мы уже имеем на съезде советов вполне определенное столкновение двух основных крыльев—крыла революционного и правого ферганского во главе с Чайкиным. Между ними—болото. Слабость руководства ташкентской группы приводит к победе болота, которое совместно с ташкентской группой создает краевой центр. Этот центр в основном не входит в революционную борьбу, последняя уходит вглубь ташкентского пролетариата.

Я хочу остановиться на характере различных классовых группировок перед октябрьскими боями. Крайне правая группа—группа русской буржуазии—была оттеснена назад. После того как ряд классовых столкновений и в центре, в Ташкенте, и на местах загнал революционное движение вглубь в подполье, правые крайние элементы имели возможность не только огрызаться в газете «Туркестанский курьер», но имели и своего представителя в туркестанском комитете в лице Шендрикова. Общественная роль этих элементов была весьма не велика, зато усилилась роль организации служащих, где они имели влияние. Почтово-телеграфный союз, союз служащих частных

фирм, совместно с юнкерами, учениками школы прапорщиков являются оплотом реакционной группы, к ней тяготеет и оборонческая группа Чайкина, и старый краевой совет,—эта группа ориентируется на национально-буржуазные элементы. Программа автономии Туркестана перед октябрьскими событиями делается основной программой буржуазных групп. Пославский, который тогда редактировал «Туркестанский курьер», заявляет, что экономика важнее политики, что мы не думали через советы проводить русскую власть, но это невозможно, поэтому нужно вывести русских солдат из Туркестана, «Туркестан—для туркестанцев», и т. д. Этим самым создается блок российской и национальной буржуазии, будущий кадр национальной контрреволюционной кокандской автономии. Рядом с ними джадиды—представители национальной интеллигенции. Это правое крыло. Далее крыло рабочего движения, основная база его в Ташкенте в нынешних красновосточных мастерских, тогда главных мастерских Ср.-Азиатской ж. д. К нему примыкают солдатские массы. Широкая масса туземной бедноты находится вне происходящих событий.

Октябрьские события в Туркестане большого своеобразия не имели. Внешним поводом столкновения был вопрос о выводе войск. Коровниченко ставит вопрос о выводе войск. Происходит столкновение. Когда солдаты отказываются идти, производятся аресты. Были арестованы представители двух частей, еще раньше были арестованы участники сентябрьского восстания. Когда волна протестов среди рабочих и солдат растет в ответ на репрессии Коровниченко, последний идет ва-банк. Помощник его Дорер занимает, при этом более осторожную позицию, понимая, что наступление на революцию только облегчит развязку. В ночь на 28-е происходит выступление Коровниченко, арестуются члены краевого совета и исполкома Ташкентского совета. Юнкера заняли мосты через Салар и двинулись разоружать стрелковый полк, находившийся неподалеку от Ср.-Азиатских мастерских, но к счастью случилось, что юнкера по ошибке попали к казакам, квартировавшим рядом со стрелковым полком, разоружили казаков и потом только увидели, что тронули своих. Этого было достаточно, чтобы казаки сохранили нейтралитет во время боев. Тем временем стрелки, объединившись с рабочими мастерских, окружили юнкеров. Рабочие совместно с солдатами-артиллеристами перевезли артиллерию, установили ее в ж.-д. мастерских. Вслед за этим начинается артиллерийская дуэль между мастерскими и крепостью. Артиллерийская канонада не раз становилась основной проблемой вооруженных восстаний. Исход Кронштадта в 1921 г. был решен артиллерией, то же было и во время восстания на Красной Горке, так же было и в Ташкенте, и в Коканде, и в Москве в 1917 г. Юнкера попадали главным образом в рабочую слободку, так как думали действовать на обывательские инстинкты рабочих. Но этот метод борьбы только усилил энергию рабочих. Три дня шла перестрелка и в то же время велись переговоры. Переговоры вел краевой совет. Теперь имеется много мемуаристов, которые говорят, что существовал революционный центр, революционный комитет, заранее установивший стратегический план восстания. Я располагал тремя основными материалами для выяснения развития вооруженной борьбы: описание «Нашей Газеты», Дореровский доклад и доклад Вышетравского, написанный по-меньшевистски. Путем сопоставления этих разнообразных по направлению материалов я убедился, что движение имело чисто рабочий характер, никакой дислокации сил, никакого плана «кампании» не было до начала боя. Один из участников октябрьских боев, Домогатский, левый с.-р., написал совершенно недо-

верные воспоминания, в которых с самой мелочной точностью разбирает «стратегический» план движения. Мне кажется, что тов. Резцов очень опрометчиво поступил, приняв в своей книге без всякой критики изложение Домогатского.

Штаб был организован на месте, попадают документы, из которых видно, что существовал военно-революционный совет при Исполнительном комитете Ташкентского совета; он фактически руководил борьбой, а непосредственное командование находилось в руках пришедшего на помощь рабочим прапорщика Стасика, который до того времени в рабочем движении не был известен.

31 октября была закончена борьба, Коровниченко сдался и был арестован. Характерно, что революция в Туркестане кончается так же, как она началась. Если она началась с милюковского этапа, неосуществленного в России, то здесь в Ташкенте и в октябре создается правительство «от энесов до большевиков», не осуществившееся за ненадобностью в России. Уже после победы рабочих полуменьшевицкий краевой совет создает Туркестанский временный исполнительный комитет с широким совещанием, куда входят представители различных организаций. Эти представители создают центр, в котором большевик участвует только в качестве секретаря, а все руководство формально находится в руках меньшевистских и левоэсеровских элементов. Но Ташкентский совет накладывает свою руку на гарнизон. Стасик и Перфильев, участники сентябрьских событий, назначаются командующими войсками. Временный комитет фактически имеет возможность только обсуждать вопрос об организации власти.

В ноябре собирается съезд советов. На нем власть окончательно переходит в руки советов. Организуется совет народных комиссаров. Новая власть сразу же делает ряд серьезных ошибок в национальном вопросе. Принимается сыгравшая печальную роль тоболинская декларация, в которой заявлялось: «Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым, как в виду полной неопределенности отношения чужеземного населения к власти советов р. и к. д., так и в виду того, что среди туземного населения нет классовых пролетарских организаций». Слабым местом новой власти был национальный вопрос.

Следующим этапом была кокандская автономия. Только ликвидация кокандской автономии окончательно советизировала Среднюю Азию. Я касаюсь здесь этого вопроса просто для того, чтобы дать основную веху, но непосредственный анализ событий, связанных с кокандской автономией, есть дело более детального изучения национального революционного движения, углубленного изучения материалов на национальных языках.

Теперь займу несколько минут для того, чтобы сделать заключение. Я хочу отметить, что в туркестанских событиях эпохи Октябрьской революции мы имеем известное своеобразие развития революционного процесса, обусловленное замкнутостью этого района. Отдаленность Туркестана от ближайшего крупного города Оренбурга на 2.000 верст создает эту замкнутость. Этапы развития идут здесь чрезвычайно своеобразно. Тут и своеобразный апрель и своеобразный, запоздалый июль, тут же мы имеем своеобразное развитие и в послеоктябрьский период. Это одна сторона дела. Изучая туркестанские события, мы сталкиваемся с такими вариациями, которые гением Владимира Ильича только учитывались в процессе общероссийского движения.

С другой стороны 1917 год в Средней Азии характерен наличием двух процессов, параллельно развивающихся и сливающихся друг с другом,—процесса общероссийского развития революции в европейских городах туркестанской колонии и процесса колониального революционного переворота. Слияние обоих процессов происходит не в 1917 г., а гораздо позже, в результате полного изменения национальной политики.

Отсюда основной имеющий политическое значение вывод, который мы делаем в результате изучения Октября, заключающийся в том, что увязка колониальной революции в Туркестане и российской пролетарской революции как первого этапа мировой революции осуществляется только лишь в условиях связи с рабочим движением всей России. Попытки смазать ошибки местного руководства в национальном вопросе, попытки характеризовать революционное движение в Туркестане, как более быстрое и передовое по сравнению с общероссийским, эти попытки, которые мы находим в той же книжке тов. Резцова, исторически неверны и методологически невыдержаны, и кроме того они питают неправильные иллюзии о возможности для республик Средней Азии самим справиться с основными задачами социалистического строительства силами местного пролетариата. Только в теснейшей связи с общероссийским социалистическим строительством, под руководством общероссийского пролетариата и его партии, трудовые массы бывшей колонии, трудовые массы ныне организованных нами национальных республик могут пойти по пути социалистического строительства.

П Р Е Н И Я

Резцов. В чем я совершенно согласен с данной здесь характеристикой основных особенностей революционного процесса в Туркестане,—это в том, что во главу угла поставлена хлебо-продовольственная проблема. Но и здесь чувствуется в докладе большой дефект—недоучет роли солдатских организаций, которую нельзя замалчивать при анализе событий в Ташкенте (даже если не говорить о сентябрьских событиях, которые играли значительно большую роль, чем мыслится докладчику).

Основная разница в наших взглядах на Октябрь в Туркестане—это в вопросе о темпе хода событий. Кстати: настаивать на замедленном—сравнительно с Россией—темпе—означает соприкасаться с компрометирующей установкой: «экономически отсталый край—революция должна идти с запазданием...»

Возьмем реальное соотношение классовых сил в 1917 г. Докладчик устанавливает правильно, что Туркестан пережил свой этап «регенства», этап власти Куропаткина.

Но что мы имеем в Туркестане, когда Куропаткин был сброшен?

Я подчеркивал в своей работе одно выразительное место из телеграммы кадета Щепкина после майского кризиса власти. Он пишет, что в крае фактически власть отсутствует. Это очень важно для понимания темпа развития событий в Туркестане. После того как был сломлен военно-колониаторский режим, за плечами буржуазии и приверженцев Временного правительства почти не оставалось реальной силы. Соотношение сил в пользу рабоче-солдатской массы было значительно выгоднее для нее, чем в Центральной России. Это ясно не только из майской телеграммы Щепкина, об этом говорит весь ход борьбы с февраля по октябрь, и самая грубая ошибка докладчика в том, что он не раскрывает должным образом смысла сентябрь-

ских событий в Ташкенте. Фактически на территории города власть перешла в руки другого класса, фактически налицо была диктатура Совета солдатских и рабочих депутатов. Недоставало только разгрома Белого Дома¹.

Утверждать, что ташкентский Сентябрь является повторением июльских событий в России, что Сентябрь—«неудачная разведка» (приблизительно так выразился докладчик),—это искажение всей перспективы.

Как крестьянская (дехканская) масса отнеслась к Февральской революции? Мы об этом тоже в Ташкенте дискуссировали, но не договорились.

Мне думается, тов. Цвибак слишком недооценивает политическую сознательность, которую уже начала проявлять масса местного населения. Почему в 17 г. (февраль—март—апрель), после свержения Куропаткина, при фактическом развале власти, крестьянская масса не повторила атаки 1916 г.? Потому, что колонизаторский режим царизма был сброшен, и это массы понимали. Передовая крестьянская масса даже склонна была преувеличивать значение Февральского переворота², воспринимая его как освобождающую, чуть ли не социальную революцию. Отсюда—отсутствие националистических эксцессов со стороны дехканства, несмотря на кровавую память 1916 года.

Здесь же нужно указать на важнейшие факты связи между Советами солдатских депутатов на местах и дехканством, причем дехканство обращается за организаторской помощью к этим Советам, и в отдельных районах и случаях эти Советы эту помощь оказывают.

Естественно, что отношение дехканских масс к Октябрьскому перевороту вылилось в формы дружественного нейтралитета.

Все это в сумме дает несколько иную ориентировку в основных событиях 1917 года, чем в представлениях тов. Цвибака.

Теперь насчет позиции интернационалистов. Сравните, как вели себя те же интернационалисты в Туркестане, в Ташкенте,—с поведением интернационалистов в центральных городах. Одна из основных мыслей, которую я положил в основу скромной своей работы, заключается в том, что стихийный напор масс в Ташкенте был настолько энергичен, при незначительном противодействии со стороны контрреволюции, что меньшевики-интернационалисты принуждены были за этой революционной стихией идти и, выталкиваемые ею вперед, иногда играли руководящую роль в событиях. Конечно это имело свою вредную сторону в смысле трудности отмежевания большевиков от этих людей, фактически к большевикам примазывавшихся,—но нельзя недоучитывать того стихийного подъема масс, который был внутренней основой этого—иначе непонятного—«полевения» меньшевиков-интернационалистов (и левых с.-р.).

Основное мое расхождение с т. Цвибаком: несмотря на отсталость Туркестана, соотношение сил здесь складывалось так, что малоорганизованные силы солдат и рабочих явно преобладали над силами буржуазии и офицерства. Благодаря этому наступает резкий классовый конфликт в сентябре. Это не запоздалое повторение июльских дней, а факт качественно

¹ В поражении Сентябрьского восстания сыграла большую роль измена на телеграфе. Посланные тт. не сумели справиться с задачей, их сумели обмануть почтово-телеграфные чиновники, и комитет Врем. правительства продолжал поддерживать связь с местами, в то время как совет оказался изолированным. Если бы не этот случайный провал, весь ход дальнейшей борьбы мог бы оказаться иным.

² Характерно заявление одного дехканина: «теперь белый царь свергнут и пора идти дальше, забирать хлеб у богатого»...

иного порядка. Это захват власти. Чем же он был вызван? Благоприятной расстановкой классовых сил, обострением хлебного кризиса, отдаленностью края от центра: революционный Ташкент был предоставлен своим собственным силам и капитулировал в большей степени под «моральным давлением» из России, чем под реальными ударами реакции (карательная экспедиция генерала Коровиченко шла до Ташкента больше полумесяца).

М е н и ц к и й. Общая установка товарища Цвибака, его социологический анализ процессов в крае в связи с проникновением российского капитала, не вызывает с моей стороны замечаний. Но то, что докладчик ограничился освещением участия в движении лишь русской части населения, является большим дефектом доклада. Нельзя рассматривать колониальную революцию и не говорить о движении среди местных национальностей. Говоря об Октябрьской революции в Средней Азии, нельзя обойти революционные события, предшествовавшие Октябрю [1898, 1905—1907, 1912 и 1916 гг.]. Точно также нельзя говорить о колониальной революции и умолчать о революционном движении среди русских гарнизонов в Средней Азии. Тем более, что российские войска, долженствовавшие наводить порядок в крае, сами упорно бунтовали. В истории колонии такие факты обойти никак нельзя. Правда, докладчик оговорился, что он не будет освещать национальное движение в крае, но ведь без этого получается, как-будто и на самом деле революция в крае произошла по телеграфу, с чем никак нельзя согласиться. Несомненно Октябрьская революция в крае не пришла по телеграфу и не произведена только русским населением края, она имела свои местные глубокие экономические и политические корни. Революция в центре лишь помогла, лишь развязала давно назревшую колониальную революцию в крае.

Революционное движение в Средней Азии на всем своем протяжении развивалось по двум обособленным друг от друга руслам. Но нельзя согласиться с категорическим утверждением докладчика о полнейшем отсутствии связи между этими двумя руслами революционного движения в крае. Движение среди русских и движение среди местного населения не могли не смыкаться и не дать единого революционного движения, к чему уже в 1905 г. имелось приближение. Царское правительство великолепно понимало опасность такой смычки и в целях предотвращения такой смычки проводило систему разжигания национальной и даже родовой розни, старую испытанную систему колониальной политики. Насколько эта политика имела успех, можно судить хотя бы по тому, что даже с.-р. и с.-д. и те были втянуты в подобную человеконенавистническую политику и в таких событиях, как 1916 год, многие из этих социалистов громили, не хуже всяких полицейских служак, взявшееся за оружие местное население. Но даже в этом 1916 году были моменты, когда эта смычка как бы налаживалась; так, во время продовольственных беспорядков рука об руку участвовало как русское, так и местное население и даже женщины-мусульманки. Подтверждение своей точки зрения о совершенной обособленности двух движений докладчик находит в пассивности трудящихся основных национальностей края в Февральские дни. Но было бы наивно думать, что после жесточайшего подавления 1916 г. через несколько месяцев они могли бы активно примкнуть к движению, хотя душой они несомненно были с ним. Тот факт, что к движению примкнула туземная интеллигенция и мусульманское духовенство и все те, кто недавно столь жестоко с ними расправлялись, их пугал, и они подозрительно отходили в сторону, боясь новой, более ужасной провокации. И только после того как в революции обрисовалось четко классовое рас-

слоение, и когда туземная буржуазия и русское чиновничество, т. е. все те, которые их так жестоко побили в 1916 г., вступили в борьбу с Советами, трудящиеся Средней Азии поняли, где их друзья и где враги, и протянули руку русским большевикам, активно выступили на борьбу с русской белогвардейщиной и своей контрреволюционной буржуазией.

Октябрьская революция, завершив процесс сближения этих двух движений, привела к мощному союзу трудящихся бывшей царской России. Было бы большой ошибкой полагать, что идея братского союза трудящихся царской России родилась в огне Октябрьской революции и не была подготовлена историей предшествующих годов. Такую ошибку сделает всякий, кто не замечает появлений братской солидарности трудящихся бывшей России на протяжении, хотя бы, царствования последнего Романова. Эту ошибку в отношении Средней Азии докладчик и делает.

Гуща. В своем выступлении я не преследую цели выступления по докладу т. Цвибака о классовой борьбе 1917 г. в Туркестане, в частности в Самаркандской области, так как я о нем узнал только сегодня из газеты «Правда».

Тов. Цвибак в своем докладе о классовой борьбе в Туркестане совершенно не коснулся Самаркандской области, между тем Самобласть играла довольно большую роль в классовой борьбе.

Правда, исследовать события Самаркандской области будет очень трудно, так как все ценные документы и революционный архив за 1917 год были бело-казаками и эсерами уничтожены при занятии ими города Самарканда в январе м-це 1918 года.

Часть документов если и сохранилась, то повидимому находится в руках отдельных товарищей, работавших в тот период в Северной Азии. Я просил бы товарища докладчика при изучении и исследовании революционных событий в Средней Азии, в частности в Самаркандской области, обратить внимание на нижеследующие события:

1. Митинг солдат 7-го Сибирского запасного полка 1 мая 1917 г.
2. Возникновение Самаркандской организации большевиков.
3. Октябрьский переворот в Самарканде.
4. Организация карательного отряда из частей Самаркандского гарнизона белогвардейцами для посылки в Ташкент против восставших революционных рабочих в ночь на 28 октября 1917 года.
5. Роль дехкан и военнопленных в революционном движении 1917 года.
6. Участие самаркандцев в ликвидации Кокандского автономного контрреволюционного правительства и взятии Кокандских банков.
7. Обезоружение казаков, ехавших с персидского фронта через Среднюю Азию на помощь атаману Дутову (декабрь м-ц 1917 г. и январь 1918 года).

Аршаруни. У меня два вопроса. Когда я летом 1928 года работал в ташкентском Цуарделе, то я там нашел архив партии дашнакцутюн. А эта партия сыграла некоторую роль в Средней Азии. Тов. Цвибак ничего об этом не сказал. Я считаю, что ташкентская организация партии дашнакцутюн играла роль не только в Ташкенте, но и в кокандском вопросе. Я думаю, что нельзя говорить о 1917 годе в Средней Азии, не упомянув о партии дашнакцутюн.

Затем, здесь ничего не было сказано относительно Туркменистана. Должен сказать, что я нашел в ташкентском и ашхабадском архивах некоторые данные, о которых сейчас за недостатком времени не могу

говорить. Затем, относительно событий в Бухаре. Среднюю Азию без Бухары также едва ли можно рассматривать.

Я останавлиюсь только на вопросе о дашнакцутюн. Мне удалось в архивных материалах Ташкента обнаружить 35 дел — дела ташкентского ЦК партии дашнакцутюн, армянского революционного комитета и общественного комитета. Я, к сожалению, не взял сегодня с собой выписок. В Туркестане к началу 1918 года было зарегистрированных 710 человек членов партии дашнакцутюн, имевших белые билеты. Решающую роль конечно играла ташкентская организация, в которой было 473 члена и 85 сочувствующих. Любопытен социальный состав. Конторщиков, бухгалтеров, учителей было—112, хлебопек, портных и парикмахеров по 48 человек, и т. д. Не буду останавливаться на остальных соц. группах членов партии дашнакцутюн. Приведенные факты говорят сами за себя.

В документах архива я нашел несколько указаний на то, что партия дашнакцутюн имела свои самостоятельные боевые дружины, в Андижане был боевой отряд дашнаков, в Скобелеве был эскадрон волонтеров и т. д. и т. д. Все это говорит за то, что дашнаки принимали участие в событиях 1917 года, а затем и позже, в организованном порядке. Что же касается их участия в подавлении Кокандской автономии, это—общеизвестно.

Я читал материалы первой их конференции, где указывалось, что политика партии дашнакцутюн в русском Туркестане должна быть построена иначе, чем в Армении и др. местах СССР. В материалах архива я нашел документы, в которых говорится, что туркестанских дашнаков надо рассматривать, как самостоятельную организацию. Здесь существовал даже свой ЦК. В резолюциях первой мусульманской конференции сказано о роли дашнаков в подавлении Коканда, и это, очевидно, послужило основанием Ташкентскому совету считать партию дашнаков антисоветской партией и лишить ее права легального существования. Тут было два момента: первый—напор со стороны мусульманского бюро и резолюция по поводу кокандских событий и второй—в комитетах организации продавался спирт, вино и проч. Интересен также тот факт, что дашнаки созвали съезд в Андижане и получили ряд документов от разных боевых частей Красной армии и крепостей с признанием их революционных заслуг. Все документы я переписал. В них указывается, что дружины дашнаков сыграли значительную роль в деле поддержки частей Красной армии. Чем же объяснить, что в 40 с лишним документах, выданных начальниками, комендантами, комиссарами наших войск, указывается активная и положительная роль дружин в подавлении восстаний? Я думал, что здесь налицо фальсификация. После того, как Совет объявляет дашнаков вне закона, партия дашнаков обращается к военным организациям, во главе которых стоят левые эсеры. Командный состав Красной армии еще не был большевистским, и мы нашли много отношений от имени ЦК партии дашнаков, где говорилось, что наша партия дает в ваше распоряжение вполне надежных 5 человек по военной линии; таким путем дашнакская дружина рассовывалась в этих военных организациях. Имея связь с некоторыми левоэсеровскими комендантами и командирами, они бесспорно оказывали им содействие. Бесспорно, что в подавлении движения в Коканде, в частности в уничтожении узбекской части прилегающих к Коканду кишлаков, армянские дашнаки сыграли большую роль, и в документах об этом указывается.

Шестakov. Я должен присоединиться к тем товарищам, которые внесли поправки в схему докладчика по линии оценки отношения к проис-

ходившим событиям со стороны туземного населения. В связи с этим я полагаю, что самый классовый анализ населения Ср. Азии дан докладчиком недостаточно четко. У него отмечены только группы капиталистические и пролетарские группы в промышленных предприятиях, тогда как мы знаем, что в крае имелось значительное количество лиц наемного труда в сельском хозяйстве, и китайских, и русских рабочих, т. е. пришлых, а также и местных: таджиков, узбеков, киргиз и пр. Докладчик не остановился и на тех взаимоотношениях, которые создались в сельском хозяйстве Ср. Азии по линии чайрикеров и т. д. Ведь здесь имеется определенная классовая дифференциация туркестанского кишлака или аула, которую нужно было учесть и взвесить при анализе всех тех классовых характеристик, которые делались в начале доклада. Это дополнение к докладу необходимо сделать и дать соответствующий цифровой материал.

В дальнейшем я присоединяюсь к той мысли, что восстание 1916 г. имело большое значение в смысле нейтрализации дехканской массы, даже в ее правой части. Этот вопрос о нейтрализации не был совсем выявлен у докладчика и эту сторону также нужно подчеркнуть при дальнейшей разработке вопроса.

Третий момент—это тот национальный гнет, который продолжался в отношении Ср. Азии и Временным правительством Керенского. Об этом в «Красном архиве» т. Галузо даны новые документы. Этот момент в смысле предпосылки должен быть включен в вопрос о нейтрализации, т. е. по линии национального момента в Октябрьской революции.

Наконец, строить схему революционного процесса в Ср. Азии и взять для этого только Ташкент, как главный центр, не расширяя, не выходя за его пределы, будет неправильно. Если мы говорим о Ленинграде, как о центре революционного движения 1917 г., то здесь всегда подразумевается связь ленинградского центра с провинцией. Ленинград вовсе не был так оторван от провинции, и решающие моменты в революции в ряде случаев принадлежали не только Ленинграду, но и др. центрам. Фронтная полоса, московский промышленный центр и др. все они играли большую роль в революционном процессе 1917 г. Таким образом, при изучении революции 1917 г. в Ср. Азии, концентрировать все внимание только на одном Ташкенте и на этом строить схему охвата революционным подъемом дехканской массы,—так строить схему будет неправильно. Нужно обязательно ее дополнить всеми революционными моментами, которые складывались особенно в хлопководных районах, и, с другой стороны, нельзя упускать также и Самарканд. В виде иллюстрационного материала, для оценки тех взаимоотношений между Советами и туземным населением, которые дали возможность обеспечить власть пролетариата в Туркестане, нельзя выбросить из общего анализа и события в Закаспийской области, где совершенно по-новому создавались свои контрреволюционные силы и где контрреволюционные силы докатились до такого предела, дальше которого они не могли идти. Надо выяснить—почему наступление контрреволюции докатилось только до ст. Чарджуй. Этот момент нельзя не учесть, так как он является для нас очень важным для оценки последующих событий в период гражданской войны в Ср. Азии, а также и для всей той схемы, которую нам нарисовал т. Цвибак.

Я думаю, что здесь еще следует сказать несколько слов относительно хлебной, продовольственной проблемы. Докладчик ее ловко обошел, подменив тем, что хлопок есть моно-культура и развитие производительных сил шло по линии этой моно-культуры и т. д. Затем произошла соответствующая

закупорка в этом развитии, «производственные отношения» стали в противоречие с производительными силами и в результате революционный взрыв— Октябрьская революция. Это все так похоже по внешности на марксистский анализ, что как-будто нет никаких сомнений в правильности заявлений докладчика.

Я все же думаю, что вопрос стоит гораздо проще.

Бояться какой-то подмены производственного базиса «обменным» не приходится. Ведь хлеб-то люди едят, должны есть, а раз этого хлеба нет, то приходится его добывать всякими, в том числе и революционными путями. Так что тут чего-то бояться и выдумывать особую систему развития производительных сил не следует. Я полагаю, что поднявшие восстание русские солдаты и рабочие, у которых животы подводило, о хлопковой моно-культуре вовсе и не думали. Вы изображаете революционный процесс русских рабочих железнодорожников и солдат и в то же время подсовываете им эту хлопковую культуру. Если бы вы сказали, что дехканин поднимал восстание и боролся за моно-культуру, то я понимал бы это потому, что крестьянин засеивает хлопок, и это ему выгодно, а хлеба нет и т. д., но у вас крестьянин молчит, а бунтует солдат и железнодорожник. В итоге у докладчика концы с концами не сходятся. Выдумывать тут нечего, а надо объяснять события теми экономическими условиями, которые имелись в крае, в том числе и продовольственными затруднениями, которые марксистскими работами никогда не исключаются.

Ц в и б а к (заключительное слово). Я хочу прежде всего поблагодарить т. Аршаруни за сведения, которые он представил, он, правда, обещал дать свою особую точку зрения, но, видимо, ввиду недостатка времени этого не сделал. Все-таки его вопрос связан не с 1917 г. В 1917 г. самостоятельной роли дашнаки не имели. Относительно основного указанного оппонента недостатка, относительно недостатка внимания национальному моменту, скажу, что, вопреки мнению т. Шестакова, на мою схему это не влияет. Неверно, что я недоучел национальный момент, что я уделил главное внимание одному Ташкенту. Говоря о Ташкенте, я говорю об основном русле классовой борьбы. Тут дело не в Ташкенте, Ташкент как местный центр—одно, Ташкент, где были съезды и шла классовая борьба в краевом масштабе—другое.

Упрек относительно недооценки роли гарнизона кроется в недоразумении. С точки зрения фактических революционных событий действительно огромна роль солдат. Но при вскрывании классовой подоплеки, при классовом анализе революции, мы видим, что руководящую роль в Октябре играет пролетариат. Мы имеем здесь в лице движения солдат представителей крестьян, идущих под руководством пролетариата.

Упрек т. Шестакова, что я недостаточно затронул вопрос о наемном труде в сельском хозяйстве—правильный упрек. Тов. Шестаков сделал очень интересный акцент на термине «нейтрализация» национального дехканства в первый этап революции. Мне кажется, что этот термин правильно формулирует существо дела.

Я считаю, что взгляды Резцова не обоснованы материалом. Возьмите его «теорию» сочувствия широких масс туркмен Февральской революции: с точки зрения факта—это не серьезная вещь, тем более, что сегодня т. Резцов говорил не то, что он писал в своей книге. Там т. Резцов приводит речь туркмена сарыка на митинге в Полошани, причем сарык действительно говорит это: «русский царь превратил нас в собак», а о том, что надо выпо-

нять баев, как это нам поведал сегодня т. Резцов, он не говорил вовсе (Резцов «Октябрь в Туркестане», стр. 35).

Вообще тенденция несколько приукрашивать историю характерна для т. Резцова. Взять хотя бы ходжентскую историю. Тов. Резцов пишет: «В Ходжентском уезде отмечается, как общее явление, посылка представителей от совета солдатских депутатов в кишлаки для разрешения многочисленных конфликтов из-за воды» (назв. книга, стр. 41).

В самом деле, как узнаем из газет того времени, был случай, когда солдаты ездили в один из кишлаков Ходжентского уезда и решили дело в пользу одного кишлака, чем возбудили негодование другого. Произошло столкновение, при котором солдаты расстреляли жителей другого кишлака. Об этом читаем в двух газетах, в органе меньшевиков рассказывается о драке между кишлаками и посылке солдат для умирения, в буржуазной газете сваливается ответственность за убийство дехкан на Совет. Этот факт т. Резцов препарирует как инструкторскую поездку Совета для смычки с дехканами. Работая таким образом можно «обосновать» любой заранее придуманный вывод.

Тов. Резцов упрекает меня, что у меня фактов много, но ведь история есть, прежде всего, факт, заниматься историей, пренебрегая фактами, «есть тьма охотников, я не из их числа».

Разрешите отметить еще, что ряд возражений, которые были мне сделаны, шли по правильной линии, поскольку они отмечали необходимость усиления внимания к национальному движению в 1917 г. Мне кажется, что путь дальнейшего исследования лежит в области дальнейшего углубления изучения национального революционного движения, а не замазывания тех национальных противоречий, которые существовали в 1917 году, как это делает т. Резцов в своей книжке. Наша задача—выяснение основных национальных противоречий в связи с анализом причин того, что местный европейский пролетариат, всем объективным ходом развития подтолкнутый к завоеванию диктатуры, сумел взять власть, но не сумел на первых порах разрешить национального вопроса.

Председатель: Я считаю, что, несомненно, сообщение т. Цвибака очень интересно, что моменты, которые он поставил, схема, которую он выдвинул, имеют серьезную научную базу, и надо пожелать, чтобы в дальнейшем он постарался эту схему еще продумать и дать исчерпывающий труд по этому вопросу.

Я думаю, что и другие товарищи, вероятно, не откажут вам в помощи, так что вы сумеете вместе поработать, поспорить, подискутировать и сговориться о моментах, которые обогатят ваш доклад.

Разрешите на этом заседание закрыть.